

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ ЭПОХИ

Игорь Оболенский

Русский след
Коко
Шанель

Москва
АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-21

*Фото на обложке и вклейке из личных архивов автора
и архивов потомков героев книги*

Оболенский, Игорь.

О-21 Русский след Коко Шанель / Игорь Викторович Оболенский. – Москва : АСТ, 2015. – 224 с. – (Женский портрет эпохи).

ISBN 978-5-17-089572-4.

Впервые русский язык в Доме Шанель зазвучал в начале двадцатых годов прошлого века. И сразу по обе стороны подиума – одни эмигрантки создавали или демонстрировали наряды великой Мадемуазель, а другие становились подружками кутюрье и верными клиентками.

Главная героиня этой книги – не Шанель и не приехавшие в Париж эмигранты из бывшей Российской империи, а Эпоха, которую они создавали вместе.

Среди действующих лиц повествования – граф Сергей Кутузов и великий князь Дмитрий Павлович; парфюмеры Эрнест Бо и Константин Веригин; княжна Натали Палей и княгиня Мери Шарвашидзе; поэт Илья Зданевич и режиссер Георгий Питоев; Лидия Кудеярова, в замужестве леди Детердинг, и Ия Ге, в замужестве леди Абди.

Задача этой книги вспомнить о судьбах гордых и достойных людей, оказавшихся волею судьбы в ближнем круге самого знаменитого кутюрье XX столетия – Габриэль Шанель.

**УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-089572-4.

© Оболенский И.В., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности.....	4
Вместо предисловия	5
Мери Шарвашидзе	17
Великая княгиня Мария Павловна	28
Анна Воронцова-Дашкова.....	35
Римма Эристави.....	39
Лидия Кудеярова, леди Детердинг.....	43
Ия Ге, леди Абди	48
Натали Палей	52
Илья Зданевич	55
Мелита Чолокашвили	65
Лилия Зеленская.....	70
Иван Паскевич.....	73
Александр Шарвашидзе	77
Игорь Стравинский.....	84
Жорж Питоев	86
Жорж Баланчин.....	89
Сергей Лифарь	105
Мися Серт	115
Русудан Мдивани	124
Эрнест Бо	144
Дмитрий Джорджадзе	155
Арчил Чкония	164
От автора.....	177
Библиография	222

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга смогла появиться благодаря незабываемым встречам и помощи, которую я неизменно получал от знакомых и незнакомых мне людей в Москве, Тбилиси и Париже.

Особую признательность хотелось бы произнести в адрес:

– Президента Академии Гонкур, биографа Коко Шанель мадам **Эдмонд ШАРЛЬ РУ (Edmonde Charles-Roux)**;

– Шефа парижского бюро Издательского Дома *Conde Nast* **Сюзан ТРЕЙН (Susan Train)**;

– Писателя и историка моды **Александра ВАСИЛЬЕВА**;

– Марка Андроникова, Джарджи Баланчивадзе, Цискари Баланчивадзе, Татули Гвиниашвили, Мананы Гедеванишвили, Ивлиты Джорджадзе, Нино Джорджадзе, Филиппа Джанумова (Philippe Djanooumoff), Русико Даушвили, Мирель Зданевич, Валентины Зданевич, Кетуси Игнатовой, Карамана Кутателадзе, Георгия Каландия, Русудан Кварацхелия, Давида Лорткипанидзе, Кетеван Мачавариани, Георгия Мамулия, Марка Остье (Marc Hostier), Даниэля Сорина (Daniel Sourine), Татьяны Фаберже, Нателлы Тодрия, Нино Чолокашвили, Марины Элиозишвили, Александры Эль Хури (Alexandre El Houry).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я начал работу над этой книгой несколько лет назад. Но все что-то не складывалось — я записывал отдельные истории, встречался с потомками своих героинь, а потом снова откладывал рукопись и занимался другими проектами.

Все решило письмо из Парижа — от президента Гонкуровской академии, самого авторитетного биографа Коко Шанель и ее конфиденнта, автора мирового бестселлера «Шанель и ее время» мадам Эдмонда Шарль-Ру. В пятидесятых годах Шарль-Ру была главным редактором французского издания журнала *Vogue*, из которого была уволена за то, что поместила на обложку чернокожую модель. Одним словом, имя, которое я увидел в подписи к адресованному мне письму, было овеяно легендой уже полвека назад.

Мадам писала, что прочла французское издание моей книги «Судьба красоты. Истории грузинских жен» и хотела бы задать несколько вопросов об одной из героинь. Я с удовольствием постарался помочь мадам Шарль-Ру. И во время очередной поездки в Париж получил от нее приглашение в гости.

Конечно, отправляясь в дом одной из самых известных парижанок (сами французы, узнав, что я

несколько раз встречался с Шарль-Ру, недоверчиво переспрашивают, как мне это удалось), я захватил с собой фотографии героинь новой книги — у кого же было получать консультацию об эмигрантах, работавших с Шанель, как не у человека, которая лично была дружна с великой Мадемуазель! Раз в неделю, по средам, Шанель принимала у себя Шарль-Ру и рассказывала о своей жизни.

Я сообщил о княжне Саломе Андрониковой, которая в Париже работала в одном из модных журналов и несколько лет была спутницей жизни генерала армии Франции Зиновия Пешкова, все, что знал. Моя собеседница как раз работала над книгой о Пешкове, а потому сведения об Андрониковой были для нее важны.

В тот раз мы проговорили, наверное, час. Я показал хозяйке дома принесенные фото. Кого-то мадам знала, а о ком-то, наоборот, расспрашивала меня. Расставаясь, мы условились продолжить общение через электронную почту. При этом сама мадам Шарль-Ру компьютером не пользуется — я писал ее секретарю, а та передавала распечатанные на принтере письма адресату. Таким же сложным был и процесс ответа — мадам писала от руки, а затем помощница набирала текст на компьютере и отправляла мне.

В следующий раз я оказался во Франции через несколько месяцев — приехал снимать документальный фильм о невероятной судьбе Русудан Мдивани, эмигрантке из Грузии, которая в двадцатых-тридцатых годах прошлого века стала настоящей знаменитостью в мире светского Парижа, ее друзьями были Сальвадор Дали и Лукино Висконти, Серж Лифарь и Коко Шанель. Подробно о судьбе Русудан я пишу на страницах этой книги, рассказ о ней впереди.

Имя Русудан вообще долго не отпускало меня. Однажды и вовсе произошла странная история. Мы обедали с одной из знаменитых парижских моделей. Сейчас она уже не так юна, а лет тридцать назад была настоящей звездой. Во время трапезы у нее зазвонил телефон. Она не стала отвечать, заметив, что потом обязательно перезвонит Русе.

«О какой Русе вы говорите?» — поинтересовался я. И услышал ответ, который едва не лишил меня дара речи: «Руся — это моя дочь. Ее полное имя Русудан, так назвать ее решил мой муж. Он — потомок эмигрантов из России».

Конечно же, я немедленно попросил связать меня с этим человеком. И Филипп, так его имя, с удовольствием рассказал, что его мать была дружна с Русудан Мдивани, много рассказывала сыну о ней. Судьба грузинской красавицы так тронула Филиппа, что он решил назвать именем Русудан свою дочь. Такие дела...

А в тот приезд в моей жизни вновь появилась мадам Шарль-Ру. Несколько натуральных сцен, связанных с великим танцовщиком Сергеем Лифарем, я предложил снять возле дома, где живет президент Гонкуровской академии. Тем более, что Шарль-Ру хорошо знала Лифаря, много общалась с ним, и он, тоже живший в свое время неподалеку, наверняка ходил по этой улице, расположенной возле Лувра, на другом берегу Сены. Во время перерыва я решил набрать номер домашнего телефона мадам Шарль-Ру. И был вознагражден — биограф Шанель пригласила меня на следующий день на обед.

Это были незабываемые несколько часов. Я старался ничего не упустить из памяти. Во время первого визита само осознание знакомства с живой легендой так переполняло меня, что на детали я внимания и не обратил.

Квартира президента Гонкуровской академии располагалась на последнем этаже старинного особняка. В глубине — кабинет со множеством книжных полок. Первая комната — гостиная, где на маленьком столике стоит фотография юной Коко Шанель, полученная в подарок от самой Мадемуазель. Обед в столовой, где почти такие же ширмы, какие были в номере «Ritz» у Мадемуазель. Ледяное шампанское, с которого предложила начать встречу 92-летняя хозяйка дома. И, конечно же, разговоры — о моделях Коко, ее друзьях, Серже Лифаре, Игоре Стравинском.

Порою мне казалось, что я очутился не в доме, где сохранился дух шестидесятых годов прошлого века, а на самом деле перенесся в Париж тех лет.

Кроме букета бело-салатовых тюльпанов, в этот раз я захватил с собой фолиант о Коко Шанель авторства мадам Шарль-Ру, хотелось, наконец, получить автограф. Мы расположились за обеденным столом, официант поставил перед нами блюда с закуской, и хозяйка предложила тост за продолжение знакомства. Главной рассказчицей была она сама. Я спросил, как продвигается работа по написанию книги о Зиновии Пешкове, о которой она рассказывала в прошлый раз. Оказалось, процесс еще в самом разгаре.

«Я пишу от руки, — рассказывала мадам Шарль-Ру. — Сейчас, наверное, так уже никто и не пишет. Но для меня важно чувствовать карандаш между указательным и средним пальцем. Я работаю по 14 часов каждый день. С 10-минутными перерывами для того, чтобы немного пройтись.

Книгу о Шанель я писала три года. Сейчас мой герой — Зиновий Пешков. Удивительная личность — родной брат Якова Свердлова, приемный сын Мак-

сима Горького, генерал армии Франции. При этом он пробовал себя на сцене Художественного театра и был оценен самим Станиславским. Но у него такая трагичная судьба! Каждый раз, когда я возвращаюсь к письменному столу, я словно погружаюсь в омут отчаяния. Я работаю над этой книгой уже больше года и понимаю, что мне понадобится еще минимум три года.

У меня есть фотография Зиновия Пешкова. Вон она стоит, посмотрите. Для меня очень важно видеть фотографии героев, о которых я пишу. Меня это очень вдохновляет. Каким красивым был Зиновий, да?

У него в Советской России осталась дочь. Потом она приезжала во Францию, приходила ко мне. Говорила, что хочет остаться в Париже. Но я спросила у нее, есть ли ей на что здесь жить. Ведь жизнь во Франции не так проста, как может показаться со стороны. И дочь Пешкова вернулась в СССР. Там она, кажется, работала учительницей. И когда потом ее приглашали во Францию, она уже сама отказалась...

Я хочу попросить вас перевести одно слово с русского языка. Я ни в одном словаре не могу найти перевод. Сейчас, я принесу бумагу, на которой я его выписала....Вот оно — «ПРО — СВЕ — СЧЕ — НИЕ». Что это такое?»

Официант в белой рубашке и синей шелковой жилетке переменял блюда. Хозяйка вновь предложила выпить шампанского — в этот раз за успех моей новой книги. И продолжила свои воспоминания.

«Сама я писателем стала исключительно благодаря Луи Арагону и его жене Эльзе Триоле. Они жили неподалеку от меня, в чудесном доме на улице Варенн.

Я всегда мечтала писать. Но дело в том, что я работала в одном глупом и довольно пустом изда-

нии — журнал *Vogue* называется. Его хозяевами были американцы, а так как моя первая книга была антиамериканская по духу, то не могло идти и речи о том, чтобы ее опубликовать.

А потом так получилось, что после 16 лет редакторства, меня из «Вога» уволили. А я параллельно с работой редактором постоянно писала. И моя книга «Забудь Палермо» была на тот момент закончена. И с одной стороны, уже никто не мог помешать мне ее напечатать. А с другой, никто не выражал желания это сделать. И тогда на помощь пришел Луи Арагон. Он принялся так активно защищать мою книгу, что она, в конце концов, была опубликована. И принесла мне Гонкуровскую премию.

Луи Арагон и Эльза Триоле были чудесными людьми. Луи — знаменитый французский поэт. А Эльза — сестра Лили Брик, музы Владимира Маяковского. Вообще, свой первый рассказ Эльза написала в 7 лет и показала его Максиму Горькому, который сразу сказал, что Эльза должна быть писателем. Но по-настоящему она стала им лишь после того, как вышла замуж за Арагона. Тот любил работать по утрам. И Эльза тоже стала писать. Они просыпались и работали, не покидая постели».

Конечно, я не мог не завести тему о знакомстве моей собеседницы с мадемуазель Шанель. Тем более, что с собой у меня была книга о ней.

«У меня сейчас вышел очередной перевод книги о Шанель. Кажется, это русский язык. Нет? А какой? Греческий? Надо же. А я не могла понять, что это за язык. Мне только не нравится фотография Коко, которую они поместили на обложке. Шанель вовсе не была такой мягкой дамой, какой она изображена на этой знаменитой фотографии (Шанель сидит вполоборота и пере-

бирает в руках длинную нить жемчуга. — *Примеч. И.О.*) Она была довольно жестким человеком. Который всегда знает, чего он хочет, и умеет этого добиться.

У нее ведь была весьма сложная жизнь, со взлетами и падениями. Но все рано Шанель каждый раз умела выстоять и вновь подняться на вершину. Хотя абсолютно счастливой ее, конечно же, называть никак нельзя. Она была очень одинока. И страдала из-за этого.

У нее были, разумеется, друзья. Знаменитая Миссия Серт, например. Там была удивительная история с Мисей, ее бывшим мужем Хосе Мария и грузинкой Русудан. Вы пишете о ней? Как замечательно! Шанель, кстати, тоже общалась с Русудан. Но потом они умерли, и Коко осталась одна.

Одним из ее близких друзей был танцовщик Серж Лифарь. Их познакомил Сергей Дягилев. Вместе с Борисом Кохно, последним фаворитом Дягилева, Лифарь находился в гостиничном номере в Венеции, когда Дягилева не стало. Кохно и Лифарь, едва Дягилев навсегда закрыл глаза, бросились на его еще теплое тело. Шанель говорила, что они напоминали молодых волков, которые немедленно принялись делить добычу.

Вообще, это была удивительная группа эмигрантов из России, которые оказали колоссальное влияние на культуру Франции. Стравинский, Баланчин... Почему-то до сего времени никто не догадался написать об этом отдельную книгу. Я вам очень советую за нее взяться».

* * *

Как я мог не прислушаться к совету самой мадам? Тем более, что в скором времени прозвучал второй

звонок из прошлого, заставивший меня быть более настойчивым в своих исследованиях.

После памятного обеда в доме Шарль-Ру минуло время. У меня уже был собран достаточный материал для книги об эмигрантах из бывшей Российской империи, сумевших в Париже заявить о себе. Правда, не о каждой героине удавалось найти достаточно сведений — о ком-то информация была почти на уровне штриха.

В тот раз я был в гостях у своего парижского знакомого Марка Остье. Книга была, как мне казалось, закончена. И я с упоением рассказывал Марку о ее героинях, с особым воодушевлением говоря о леди Детердинг, главу о которой только закончил. Сетовал только на то, как мало сведений о ней мне удалось раздобыть.

В середине моего монолога Остье попросил дать ему пару минут, и скрылся в кабинете. Вернулся с визитной карточкой в руках — на ней были координаты племянницы леди Детердинг, одного из самых таинственных персонажей моего исследования.

Знаменитая светская львица, жена владельца нефтяной империи *Shell*, подруга членов императорского дома Романовых и звезд Голливуда, она была ярчайшей женщиной XX столетия. Даже в возрасте восьмидесяти лет она заставляла говорить о себе — молодой поклонник ради нее оставил саму Грету Гарбо.

Оказалось, Марк и племянница леди, мадам Александра, были хорошими друзьями. И потому уже вечером я разговаривал с ближайшим потомком леди Детердинг, крупницы информации о которой до этого собирал в архивах и интервью с друзьями друзей.

Правда, наш первый диалог состоялся по телефону. Мадам Александра сказала, что утром уезжает из Парижа и встретиться никак не может. Но после того,

как я назвал ей несколько имен, которые появляются на страницах книги, она неожиданно согласилась изменить свои планы и пригласила меня в гости.

Адрес звучал многообещающе — авеню Фош, вилла Саид. Я приехал раньше назначенного времени и успел побродить по окрестностям. По соседству располагались особняки с мемориальными досками на стенах: в одном жил писатель Анатоль Франс, в другом — художник Кис Ван Доген.

И вот, наконец, я переступаю порог дома племянницы Детердинг. На самом видном месте, над каминном, — портрет леди кисти Филипа де Ласло, писавшего, в основном, особ королевских кровей. Когда я собирал материал о леди Детерлинг, то часто встречал репродукцию портрета. И вот он — передо мной наяву. Словно знак того, что я иду по верному пути.

Хозяйка предлагает стакан томатного сока и начинает рассказывать. Мы говорим по-русски, но потом переходим на английский. Так мадам Александре легче. В середине нашей беседы дома появляется ее супруг.

«Иди послушай человека, который столько знает о моей семье, — приглашает его присоединиться к нашему разговору мадам Александра. — И потом, наконец, это то интервью, которое берут не у тебя, а у меня».

Потом, уже перед уходом, я заметил на книжных полках фотографии, на которых муж хозяйки дома изображен вместе с президентами стран и Папой Римским. Когда я потом спросил Марка о том, кто же муж моей новой знакомой, то получил ответ: племянник легендарного президента Ливана Эль Хури.

В итоге история леди Детердинг, урожденной Лидии Кудеяровой, создавалась совместно с дочерью ее родной сестры.

И таких встреч и «звонков» потом было немало. Как-то я открыл свою электронную почту и увидел письмо, под которым стояла подпись «Даниэль Сорин». Мне писал сын великого художника Савелия Сорина, автора портретов Мери Шарвашидзе и Мелиты Чолокашвили, который сегодня живет в Америке.

Он решил написать мне, прочитав книгу «Судьба красоты...» на французском языке. Одна из ее героинь — манекенщица Шанель княгиня Мери Шарвашидзе, чей портрет писал Савелий Сорин, и который ныне находится в коллекции принца Ренье в Монако.

Именно от Даниэля я получил уникальные сведения о художнике труппы Сергея Дягилева князе Александре Шарвашидзе, который приходился отчимом вдове художника Сорина.

* * *

Это было большой удачей — иметь возможность узнавать о героях из уст их ближайших родственников и друзей.

В Париже моя жена София познакомилась с легендарным шефом парижского бюро издательского дома *Conde Nast* Сюзан Трейн. Та руководит бюро с пятидесятых годов, и не могла не знать действующих лиц этой книги.

София спросила у нее про Иву Паскевича, который, по моим сведениям, возглавлял журнал *Vogue*, издаваемый *Conde Nast*. Подобная информация казалась мне невероятной — эмигрант из Грузии, не имеющий ничего общего с миром моды, и вдруг оказался на первых ролях в столь серьезном издательском доме. Но София не только услышала подтверждение этого факта, но и получила редкую

фотографию — на выходе из редакции *Vogue* запечатлены главный редактор Мишель де Брюнофф, Ива Паскевич и члены редколлегии журнала.

Позже о Паскевиче мне расскажет и мадам Шарль-Ру. Правда, заметит, что отчего-то не доверяла ему. Ей был ближе другой эмигрант из России — Александр Либерман, тоже ставший гуру модной журналистики.

* * *

И вот книга закончена. Ее главная героиня — не Шанель, не приехавшие в Париж эмигранты из бывшей Российской империи, а Эпоха, которую они создавали вместе.

Книг о Шанель предостаточно. Потому я, собственно, и не собирался писать о самой Мадемуазель. Детали ее биографии известны, пожалуй, каждому. Хотя было время, когда в Советском Союзе считали, что Шанель — это не фамилия конкретного человека, а лишь название духов. Об этом мне поведала Нателла Тодрия, ставшая первой переводчицей книги о Габриэль Шанель на русский язык.

Еще одним открытием для русскоязычного читателя стали мемуары Миси Серт, которые тоже блестяще перевела с французского Нателла Тодрия. Она рассказала мне, с каким удивлением сама тогда впервые узнала о судьбе ближайшей подруги Коко Шанель, чья жизнь оказалась связана со многими приехавшими в Париж эмигрантами — от Сергея Дягилева до Русудан Мдивани...

* * *

Этой книгой мне хотелось отдать дань уважения и почтить память тех мужчин и женщин, дворян и разночинцев, русских и евреев, грузин и армян,